

Последние ее мысли были о Реймонде. Совсем скоро они увидятся. Он, как обычно, проснется и обнимет ее своими теплыми крепкими ручонками.

Она улыбнулась, и мистер Кан за прилавком улыбнулся в ответ, уверенный, что ее лучезарная улыбка предназначена ему. Он улыбался ей каждый вечер, не догадываясь, что все ее помыслы сосредоточены на Реймонде, на предвкушении скорой встречи.

Звяканье колокольчика над дверью почти не отложилось в ее сознании. Она достала две купюры по доллару и протянула их мистеру Кану. Однако тот не взял деньги и смотрел почему-то не на нее, а на дверь. Его улыбка померкла, рот приоткрылся, словно в попытке сказать что-то.

Сильные пальцы стиснули ее плечо. Левый висок обожгла холодная сталь. Все вокруг потонуло в ослепительно-яркой вспышке. Перед глазами промелькнуло умильное личико Реймонда, и мир погрузился во тьму.

ГЛАВА 1

Маккалеб засек ее еще издалека. Шагая по главному док-ку, мимо пришвартованных яхт миллионеров, он увидел на корме «Попутной волны» женщину. Субботнее утро выдалось теплым, и к половине одиннадцатого на побережье Сан-Педро всюю толпился народ. Маккалеб заканчивал обязательную утреннюю прогулку: через всю пристань Кабрийю, вдоль мола и обратно. Он уже порядком запыхался, однако на подступах к яхте замедлил и без того неспешный шаг. В первые секунды им овладела злость: незнакомка вторглась на его судно без приглашения. Однако злость быстро сменилась любопытством. Интересно, что это за особа и зачем пожаловала.

Незванная гостья была одета отнюдь не для морской прогулки. Свободное летнее платье едва прикрывало колени. Прохладный бриз норовил задрать подол, и незнакомке приходилось придерживать его одной рукой. Судя по напряженным мышцам загорелых ног, она предпочла обуви на плоской подошве шпильки. Похоже, дамочка вырядилась нарочно, чтобы произвести впечатление.

Сам Маккалеб одевался неброско. Старые джинсы, протертые от долгой носки, а не в угоду моде. Футболка с логотипом позапрошлогоднего состязания по ловле марлинов. Вся одежда была в пятнах: преимущественно от рыбьей крови, крови самого Маккалеба, морской соли, полиуретана и машинного масла. В таком наряде удобно

и рыбачить, и работать, а Маккалеб как раз собирался посвятить выходные ремонту яхты.

Поравнявшись с «Попутной волной» и как следует разглядев незнакомку, он слегка устыдился своего затрапезного вида и, стянув поролоновые наушники, выключил CD-плеер на середине «Я не суеверный» Хаулина Вулфа.

— Вам помочь? — окликнул Маккалеб, не успев подняться на борт.

Вздрогнув, женщина отвернулась от стеклянной раздвижной двери в салон, куда она, по всей видимости, отчаялась достучаться.

— Здравствуйте. Мне нужен Террел Маккейлиб.

Маккалеб окинул ее оценивающим взглядом. Красивая, чуть за тридцать, на добрый десяток лет моложе его самого. Что-то неуловимо знакомое чудилось в ее облике. Наверное, дежавю. Последние сомнения рассеялись, стоило Маккалебу присмотреться. Определенно, он видит ее впервые в жизни. У него великолепная память на лица, а такую красотку трудно забыть.

Она неверно произнесла его фамилию: «Маккейлиб» вместо «Маккалеб», и назвала его полное имя, Террел, чем обычно злоупотребляли репортеры. Теперь все ясно. Очередная заблудшая душа явилась не по адресу.

— Маккалеб, — поправил он. — Терри Маккалеб.

— Извините. Я... хм... подумала, что вы внутри. Боюсь, с моей стороны было не слишком вежливо вторгаться на палубу без приглашения.

— Однако вас это не остановило, — буркнул Маккалеб.

Она пропустила упрек мимо ушей и продолжила, словно заранее отрепетировала свою речь:

— Мне необходимо с вами поговорить.

— Простите, но я немного занят.

Он кивнул на открытый люк, куда, по счастью, не провалилась гостья, и на инструменты, разложенные на прорезиненной ткани у транцевой кормы.

— Я битый час бродила по пристани в поисках вашей яхты. Не волнуйтесь, много времени это не займет. Меня зовут Грасиэла Риверс, и я хотела...

— Послушайте, мисс Риверс, — перебил Маккалеб. — Мне в самом деле... Вы прочли обо мне в газете?

Женщина кивнула.

— Прежде чем вы поведаете свою историю, должен предупредить: вы не первая и не последняя, кто является сюда или обрывает мне телефон. Однако от меня вы услышите то же самое, что и остальные: мне не нужна работа. Если вы надеялись нанять меня или получить консультацию, сожалею, но ничего не выйдет. Я больше не занимаюсь расследованиями.

Грасиэла молчала, и он невольно посочувствовал ей, как сочувствовал всем просителям до нее.

— Мисс Риверс, у меня на примете есть пара толковых детективов. Отличные ребята, не халтурят и не обдирают клиентов как липку.

Маккалеб взял с кормового планшера солнечные очки, забытые им перед прогулкой, и водрузил их на нос, всем своим видом давая понять, что разговор окончен. Однако на гостью это не произвело ни малейшего впечатления.

— В статье сказано, вы блестящий специалист. И не выносите, когда преступление остается безнаказанным.

Маккалеб сунул руки в карманы и пожал плечами.

— Вы не учли крохотный нюанс. Я никогда не работал в одиночку. У меня были напарники, эксперты и статус агента ФБР. Поверьте, один в поле не воин. Разница огромная. Поэтому при всем желании я никак не могу вам помочь.

Грасиэла кивнула, словно соглашаясь с его доводами. Обнадеженный Маккалеб мысленно переключился на ремонт клапанов, который собирался завершить за выходные, но, как выяснилось, гостья и не думала отступать.

- Я надеялась, вы поможете мне. И себе заодно.
- Деньги меня не интересуют. Не бедствую.
- Речь не о деньгах.

Маккалеб пристально посмотрел на нее.

— Не понимаю, о чем вы, — сердито откликнулся он, — но повторяюсь: поищите другого исполнителя. Я не действующий агент и тем более не частный детектив. Без лицензии мне нельзя заниматься расследованиями и брать деньги от частных лиц. Вы ведь читали газеты, знаете, что со мной случилось. Мне даже машину водить запрещено.

Он кивнул на парковку, отделенную от причала узкой тропой.

— Видите автомобиль, упакованный, как подарок под елкой? Это мой. Ждет, пока врач снова разрешит мне сесть за руль. Ну и какой из меня детектив? На автобусе много не накатаешь.

Но Грасиэла Риверс точно оглохла. Ее упертость начинала действовать на нервы. Маккалеб уже отчаялся выпроводить дамочку с яхты.

- Сейчас напишу вам контакты.

Обойдя женщину, Маккалеб шагнул в салон и, плотно прикрыв за собой дверь, чтобы оградиться от навязчивой гостии, стал рыться в ящиках штурманского стола в поисках записной книжки. Он не пользовался ею так давно, что успел забыть, куда положил. Сквозь прозрачную створку было видно, как Грасиэла неспешно двинулась на корму и прислонилась к поручню.

Отражающая пленка на двери не позволяла разглядеть, что творится в салоне, и Маккалеб мог спокойно наблюдать за женщиной, не боясь разоблачения. Все-таки поразительно знакомое лицо. Он присмотрелся повнимательнее. От красоты Грасиэлы захватывало дух. В темных миндалевидных глазах читалась грусть и одновременно понимание, словно их обладательница знала

какую-то тайну. Маккалеб непременно запомнил бы ее, даже встретив мельком. Однако, сколько он ни напрягал память, все было тщетно. Наметанным глазом он отметил отсутствие обручального кольца. Его догадки насчет обуви оказались верны: на Грасиэле были босоножки на двухдюймовом пробковом каблучке. Розовый лак на ногтях подчеркивал смуглую кожу. Интересно, она всегда так выглядит или нарядилась нарочно, чтобы убедить его взяться за работу?

Записная книжка обнаружилась во втором ящике. Маккалеб быстро отыскал в ней Джека Лэвелла и Тома Кимбалла, нацарапал их имена и телефоны на старой рекламной листовке местной судомастерской и поспешил на палубу. Увидев его, Грасиэла открыла сумочку. Маккалеб протянул ей листок.

— Очень рекомендую. Лэвелл много лет проработал в полиции Лос-Анджелеса, сейчас на пенсии, а Кимбалл из федералов. Я неоднократно пересекался с ними по службе, оба — отличные профессионалы. Выбирайте любого, не пожалеете. Когда будете звонить, скажите, что от меня.

Игнорируя листовку, Грасиэла достала из сумочки фото и протянула ему. Маккалеб машинально взял снимок и тут же осознал всю чудовищность своей ошибки. На снимке девушка с улыбкой наблюдала, как мальчуган задувает семь свечей на именинном пироге. На мгновение Маккалеб подумал, что на фотографии запечатлена сама Риверс, только несколькими годами моложе, но, присмотревшись, понял, что ошибся. У девушки со снимка было более округлое лицо, не такие пухлые губы. По красоте она явно уступала Грасиэле. Однако их родство выдавали глаза — темно-карие, правда девушка на фотографии не обладала таким пронзительным взглядом, которым Маккалеба буравила гостя.

— Ваша сестра?

- Да. С сыном.
- Который из них?
- Простите?
- Который из них мертв?

Вопрос стал второй ошибкой. Еще немного, и он увязнет по уши. Надо было молча всучить ей листовку с телефонами и выпроводить на берег.

— Моя сестра. Глория Торрес. Мы звали ее Глори. А это ее сын, Реймонд.

Кивнув, Маккалеб попытался вернуть фотографию, однако Грасиэла и не думала ее забирать, видимо надеясь, что сейчас он начнет выяснять подробности. Но бывший агент не клюнул на удочку.

— Мисс, уgomонитесь. Я прекрасно понимаю, чего вы добиваетесь, но со мной этот номер не пройдет.

- Хотите сказать, вам чуждо сострадание?

Маккалеб ответил не сразу, стараясь подавить закипающий гнев.

— Совсем не чуждо. Вы ведь читали статью, знаете, что со мной случилось. Именно сострадание довело меня до беды.

Ему наконец удалось побороть раздражение и неприязнь к Грасиэле. Нетрудно догадаться, какие адские муки она испытывает. Маккалеб повидал сотни людей, у которых жестокая судьба отняла близких, а преступники так и не были найдены и наказаны, расследования убивались в долгий ящик. Многие родственники уподоблялись зомби. Раздавленные, утратившие почву под ногами. Потерянные души. Грасиэла Риверс тоже была из их числа, иначе не нагрязнула бы сюда. Не стоит осуждать ее или злиться, а уж тем более отыгрываться на ней за собственные несчастья.

— Послушайте, мисс Риверс, я действительно не могу вам помочь. Извините.

Маккалеб взял ее за предплечье, намереваясь проводить к трапу. Под теплой, бархатистой кожей ощущались стальные мышцы. Он снова попытался отдать ей фото, но Грасиэла упрямо покачала головой.

— Пожалуйста, взгляните на него. Последний раз, и я уйду. Неужели вы ничего не чувствуете?

Маккалеб развел руками, дабы подчеркнуть бессмысленность происходящего.

— Я бывший агент ФБР, а не телепат.

Тем не менее он демонстративно поднес снимок к глазам. Девушка и мальчик сияли от счастья. Семейное торжество. Семь свечей на торте. Маккалеб невольно вспомнил, что в его семь родители еще не развелись. Впрочем, развод не заставил себя долго ждать. Однако сейчас его куда больше занимал ребенок. Страшно вообразить, каково это — лишиться матери.

— Мисс Риверс, я очень вам сочувствую. Очень. Но вы обратились не по адресу. Заберите фотографию.

— У меня есть копия. Ну, знаете, две по цене одной. Я подумала, вы захотите оставить второй экземпляр себе.

Маккалеб вдруг почувствовал себя пловцом, угодившим в подводное течение. Ситуация начинала выходить из-под контроля. Он понимал: стоит ему сделать шаг навстречу, задать очевидный вопрос, и поток увлечет его неведомо куда.

Однако искушение было слишком велико.

— Зачем мне оставлять фотографию, если я отказываюсь от расследования?

Грасиэла грустно улыбнулась:

— Затем, что моя сестра спасла вам жизнь. Мне казалось, вам будет интересно узнать, как она выглядела, какой была.

Маккалеб невидящим взглядом уставился на Грасиэлу Риверс, а внутренним взором шарил по закоулкам

памяти, силясь соотнести сказанное с хранившейся там информацией, но тщетно.

— О чем вы говорите? — выдавил он, чувствуя, как нити разговора и все прочее ускользают от него к Грасиэле.

Течение подхватило его, как соломинку, и увлекло в открытое море.

Грасиэла протянула руку, но не затем, чтобы забрать фото, и, коснувшись его груди, нащупала под футболкой узловатый рубец. Потрясенный Маккалеб даже не пытался ей помешать — просто застыл как вкопанный.

— Ваше сердце. Это сердце моей сестры. Она спасла вас от смерти.

ГЛАВА 2

Краем глаза Маккалеб различал монитор. На зернистом черно-сером экране сердце походило на мерцающий фантом, клипсы и скобы, перекрывающие кровеносные сосуды, напоминали темную картечь, застрявшую в груди.

— Почти, — раздалось над правым ухом. — Еще немного.

Бонни Фокс. От ее голоса веяло спокойствием, чуткостью и профессионализмом. Вскоре в рентгеновском поле возникла дрожащая линия зонда, которая уверенно подбиралась к сердцу. Маккалеб зажмурился, предвкусывая ненавистный рывок — по заверениям врачей, совершенно неощутимый, но в действительности совсем наоборот.

— Терри, расслабься. Процедура абсолютно безболезненная.

— Угу.

— Не разговаривай.

В следующий миг Маккалеб почувствовал рывок — так дергает удочку, когда ушлая рыбина, проглотив приманку, срывается с крючка. Приоткрыв глаза, он увидел, что тонкая леска зонда засела глубоко в сердце.

— Ну вот и все. Идем обратно. Терри, ты молодец.

Бонни похлопала его по плечу. Зонд извлекли, разрез на горле закрыли марлевой повязкой. Открепили ортез, фиксирующий голову под жутко неудобным углом. Маккалеб осторожно вытянул шею, помассировал затек-

шие мышцы. Через мгновение над ним склонилась улыбающаяся Бонни Фокс.

— Как самочувствие?

— Неплохо. Особенно теперь, когда все позади.

— Я отлучусь ненадолго. Проверю анализы и отнесу пробы в лабораторию.

— Мне нужно с тобой поговорить.

— Успеется. А пока отдыхай.

Пару минут спустя медсестры покатали кровать Маккалеба из рентген-операционной в лифт. Мерзко, когда с тобой обращаются как с инвалидом. Маккалеб прекрасно дошел бы сам, но это противоречило правилам. После сердечной биопсии пациент должен оставаться в горизонтальном положении. У каждой больницы свои правила, а в Седарс-Синае их количество просто зашкаливало.

Его везли в отделение кардиологии на шестом этаже. Путь пролегал через восточное крыло, мимо палат, где какие-то счастливики уже восстанавливались после пересадки сердца, а те, кому повезло меньше, только ждали своей очереди. Проезжая мимо очередной палаты, Маккалеб заметил парнишку, подключенного к аппарату искусственного кровообращения. Мужчина в деловом костюме сидел возле койки и смотрел на мальчика невидящим взглядом. Маккалеб отвел глаза. Парнишка обречен, аппарат лишь оттягивает неизбежное. Совсем скоро мужчина в костюме — скорее всего, отец — будет таким же взглядом смотреть на гроб.

Добравшись до нужной палаты, медсестры перетащили Маккалеба на койку и удалились. Оставшись один, он приготовился к долгому ожиданию. Фокс появится часов через шесть — в зависимости от расторопности лаборантов и наплыва пациентов у доктора.

Впрочем, Маккалеб знал, как скоротать время. Потертая кожаная сумка, в которой он когда-то носил ноутбук

и бесчисленные папки с делами, была доверху набита старыми журналами, специально припасенными на такой случай.

Бонни Фокс объявилась спустя всего два с половиной часа. Маккалеб отложил экземпляр «Судового ремонта».

— Быстро ты!

— Жаль, в лаборатории не спешат. Как самочувствие?

— На шее как будто потопталась рота солдат. Результаты уже готовы?

— Ага.

— Ну и?

— Могу порадовать: отторжения нет, все показатели в норме, — говорила Бонни, попутно раскладывая на прикроватном столике распечатку с анализами и перепроверяя обнадеживающие цифры. — Словом, я довольна. Думаю, через неделю можно снизить дозировку преднизона.

Последняя реплика относилась к тщательно подобранному комплексу препаратов, которые Маккалеб принимал два раза в сутки. Восемнадцать пилюль утром и еще шестнадцать — вечером. Аптечка на яхте не вмещала такое количество бутылочек и флаконов. Пришлось запихнуть их в ящик для снастей в передней каюте.

— Отлично. Надоело бриться три раза на день.

Сложив распечатку, Фокс взяла со столика планшет и быстро пробежала глазами список вопросов, на которые Маккалебу полагалось отвечать в каждый свой визит.

— Температура?

— Нет.

— Диарея?

— Бог миловал.

Дотошность Бонни объяснялась легко: лихорадка и расстройство желудка считались основными симптомами отторжения трансплантата. Маккалеб измерял температуру, давление и пульс минимум дважды в день.

— Все основные показатели в норме. Наклонись чуть вперед.

Убрав планшет, Бонни подышала на стетоскоп и послушала сердце в трех местах со спины. Потом велела Маккалебу лечь и повторила процедуру спереди. Приложив два пальца к шее, проверила пульс, не отводя глаз от циферблата наручных часов. В процессе Бонни придвинулась к нему вплотную, и Маккалеб уловил аромат духов с апельсиновыми нотками, которые ассоциировались у него со старушками. Хотя доктору Фокс до старости было еще далеко. Маккалеб исподтишка наблюдал за ней, пока она следила за секундной стрелкой.

— Ты никогда не задумывалась, стоит ли вообще этим заниматься?

— Не разговаривай.

Бонни уже проверяла пульс на запястье. После сняла со стены тонометр, обернула вокруг предплечья пациента манжету и измерила давление.

— Отлично, — нарушила она затянувшееся молчание.

— Что не может не радовать.

— Стоит ли заниматься чем?

Маккалеб привык к манере Бонни в самый неожиданный момент возобновлять прерванный разговор и не забывать ничего из сказанного. Миниатюрная, примерно его лет, с рано поседевшими короткими волосами, Бонни Фокс носила белый, чересчур длинный для нее халат, чьи полы доходили ей почти до щиколоток. Нагрудный карман украшала схематическая вышивка сердечно-сосудистой системы — эмблема кардиохирургов. На каждом осмотре Бонни была сама сосредоточенность. При этом она буквально излучала уверенность и чуткость — крайне редкое сочетание для докторов, а за последние годы Маккалеб повидал их немало, поэтому старался платить Бонни той же монетой. Он симпатизировал ей и доверял. Был период, когда в глубине души он сомне-

вался, стоит ли верить свою жизнь в руки этой хрупкой, как статуэтка, женщины. Однако сомнения быстро развеялись, уступив место стыду. Когда день пересадки наконец настал, улыбающееся лицо Бонни было последним, что видел Маккалеб, прежде чем его ввели в наркоз. На тот момент у него не осталось и тени сомнений. С той же улыбкой Бонни встретила его после операции — перерожденного, с новым сердцем.

За восемь недель в процессе реабилитации не возникло ни единого сбоя, и это лишь укрепляло веру в профессионализм Бонни. За три года общения между ними установилась тесная связь, выходящая далеко за рамки стандартных отношений «врач — пациент». Маккалеб искренне считал Бонни другом и надеялся, что это взаимно. Они неоднократно обедали и увлеченно спорили обо всем на свете, начиная от клонирования и заканчивая судом над О. Джейм Симпсоном¹. Маккалеб тогда выиграл у Бонни сотню долларов, угадав первичный вердикт. Из-за непоколебимой веры в правосудие доктор Фокс совершенно не учла расовую подоплеку дела, очевидную опытному агенту ФБР.

Каким бы ни был предмет спора, Маккалеб неизменно занимал противоположную сторону, просто чтобы подстегнуть дискуссию. Сейчас Бонни сопровождала свой вопрос выразительным взглядом, давая понять, что готова к очередной баталии.

— Стоит ли вообще заниматься этим. — Маккалеб обвел рукой палату, явно подразумевая всю клинику. — Извлекать органы у одних, пересаживать их другим. Иногда я чувствую себя современным Франкенштейном, собранным из нескольких человек.

¹ *О. Джей Симпсон* — американский футболист и актер, обвиняемый в убийстве супруги и ее любовника. После нескольких судебных процессов был оправдан. — *Здесь и далее приме. перев.*

— Не драматизируй. Тебе пересадили единственный орган, взятый у одного человека.

— Но орган немаловажный, согласишься? Знаешь, все агенты ежегодно сдают норматив по стрельбе. Ну, стреляют по мишеням. Первый разряд присваивают тем, кто попадает в сердце. Голова по очкам ценится ниже. Всадил пулю в сердце — выбил десятку. Высший балл.

— Опять завел шарманку, что мы заигрались в Господа Бога? Я думала, это пройденный этап.

Улыбнувшись, Бонни покачала головой, однако ее улыбка вскоре померкла.

— Терри, не темни. Что стряслось?

— Не знаю. Наверное, комплекс вины.

— Винишь себя за то, что выжил?

— Не знаю.

— Хватит валять дурака. Мы ведь это обсуждали. У меня нет времени на комплекс выжившего. Собственно, выбор очевиден. На одной чаше весов жизнь, на другой — смерть. Нетрудно угадать, какая перевесит. Так из-за чего терзаться?

Маккалеб поднял руки, признавая свое поражение. Бонни умела разложить все по полочкам.

— Старая песня, — продолжала она, раздосадованная его быстрой капитуляцией. — Два года ты ждал донора, был буквально на волосок от смерти, а теперь вздумал посыпать себе голову пеплом? Терри, выкладывай, что случилось. И не пытайся пудрить мне мозги.

Маккалеб только вздохнул. Бонни видела его насквозь. Таким талантом обладали самые выдающиеся агенты и полицейские, с какими ему доводилось сталкиваться по службе. Поразмыслив, он решил сказать правду.

— Просто не совсем понимаю, почему ты умолчала, что женщина, чье сердце мне пересадили, была убита.

Судя по реакции Бонни, услышанное стало для нее шоком.